

ПОРТА ТЕМПОРИС



ПАКС

КАК КАЖДАЯ НОЧЬ РОЖДАЕТ
ВАС ЗАНОВО



Феникс Фламм

Феникс Фламм

**ПАКС. Как каждая ночь
рождает вас заново**

«Автор»

2026

Фламм Ф.

ПАКС. Как каждая ночь рождает вас заново / Ф. Фламм —
«Автор», 2026

Монография вводит ПАКС — операциональную единицу существования субъекта, определяемую как один непрерывный период бодрствования от пробуждения до засыпания. В противовес традиционному отождествлению субъекта с непрерывной личностью книга формулирует теорему непрерывности: тождество личности представляет собой не свойство носителя, а устойчивость выходов процедуры сборки на непрерывно пополняемом багаже. Связь между сменяющимися паксами обеспечивается следами — материализованными записями, существующими о субъекте независимо от акта припоминания. Вводится понятие плотности багажа как числа независимых след-эпизодов на единицу времени и принцип автографа, различающий следы, созданные субъектом о себе, и следы, созданные о нём другими. Завершающая часть содержит реестр гипотез с критериями опровержения, две программы эмпирического исследования и протокол измерения пар «тогда/сейчас». Теоретическая часть дополнена этической рамкой, регулирующей эксперименты с памятью и следами.

© Фламм Ф., 2026

© Автор, 2026

Феникс Фламм

ПАКС. Как каждая ночь рождает вас заново

Содержание

Пролог. Утро, в котором что-то не так

Часть I. Феноменология

Глава 1. Что такое пакс

Глава 2. Утренний сдвиг: главный феномен

Глава 3. Пакс-фаза: первые минуты

Часть II. Онтология

Глава 4. Онтология следа

Глава 5. Плотность багажа: как измерить то, что держит вас собой

Глава 6. Багаж как единственный мост

Часть III. Динамическая теория

Глава 7. Теорема непрерывности: почему вы всё ещё «вы»

Глава 8. Межпаксный дрейф: как далеко может уйти сборка

Глава 9. Инвариант подписи: один график — два способа умереть

Часть IV. Три онтологии ночи

Глава 10. Тёмный интервал: понижение в звании

Глава 11. Антиархив: гипотеза стирания

Глава 12. Эон: гипотеза входа

Глава 13. Ночная переброска: переход между носителями

Глава 14. Таблица трёх ночей

Часть V. Этика

Глава 15. Этика пассажира: кто обещает, когда обещают сменяющиеся

Глава 16. Гипердокументированное поколение: культура без дрейфа

Глава 17. Культура и клиника: асимметрия следа

Часть VI. Проверка

Глава 18. Регистрация: ставим всё, что есть

Глава 19. Протокол: как измерить сборку

Глава 20. Сборка на видимом входе

Эпилог. Эксперимент

Приложения

Приложение А. Методология измерений: рубрикатор, журнал, протоколы

Приложение В. Модели M1 и M2: формулы и симуляция

Приложение С. Реестр гипотез: развёрнутые формулировки

Приложение D. Реестр артефактов сборки

Приложение E. Этическая рамка

Глоссарий

ПРОЛОГ

Утро, в котором что-то не так

У каждого из вас наверняка было не одно утро, когда вы не можете проснувшись сразу понять, где вы. Не потому, что утро особенное — наоборот, потому что в нём всё как обычно, но слегка не на своём месте.

Свет тот же. Комната та же. Тело то же. А вы — ещё не вы.

Это длится секунду или две. Потом вы просыпаетесь окончательно, и это проходит. Так быстро, что вы не успеваете заметить: только что на вашем месте было что-то другое. Даже ваш сон быстро забывается. Только что вы его помнили и всё — никаких следов.

Это не сбой. Не болезнь. Не повод бежать к врачу.

Это — ежедневная работа, с которой начинается каждый ваш день. Момент, в который вы собираетесь из того, что от вас осталось.

Эта книга про этот момент. И про всё, что из него следует.

Но начнём с вечера.

Возьмите себя вчерашнего. Десять вечера. Вы устали, но точно знаете, кто вы.

Вы знаете, что завтра позвоните кому-то. Что допишете что-то. Что помните про день рождения, до которого неделя. Вы знаете, что вас вчера задело и что радует сейчас. У вас есть намерения, привязанности, планы, позиция.

Всё это уходит в ночь.

Не потому, что вы легли спать. Ночью с этим что-то происходит.

Что именно — будем разбираться всю книгу. Пока зафиксируем одно: к утру вы получаете другой набор.

Вчерашние намерения больше не дают. Вчерашние обиды больше не ранят. Вчерашние планы выглядят как чужие записки. Содержание на месте, а вовлечённости в него нет.

Между вечером и утром прошла работа. Не пауза. Не отдых. Тихая редактура.

Мы называем это паксом.

ПАКС — это вы в течение одного дня: от пробуждения до засыпания. Один непрерывный отрезок, в котором вы чувствуете себя собой.

Не жизнь. Не судьба. Не личность.

ПАКС.

И таких паксов у вас ровно столько, сколько раз вы засыпали и просыпались. Ни больше, ни меньше.

Это — серия.

Не нить. Не путь.

Рейсы.

Аэропорт, в который вы только что приземлились

Есть ещё одна вещь, которую стоит сказать сразу, потому что она про само слово.

Пакс — не научный термин. Это старое авиационное сокращение: так в документации называют пассажира. Слово короткое, сухое, без сентиментальности. Оно не обещает вам ни души, ни непрерывности, ни особого статуса. Просто — пассажир.

И вот что оно означает в этой книге.

Каждое утро вы прибываете. В аэропорт собственного тела. Рейс — откуда-то, куда вы не помните, потому что память о предыдущем аэропорте вам не выдали при посадке. Вы при-

землились в себя, как пассажир, который не помнит, что летел, — и уже стоит на выходе, с чемоданом, в котором лежат чужие вещи. Имя на бирке ваше. Вещи — не совсем.

Вчерашний пассажир сдал багаж. Сегодняшний получил его на ленте. Между ними не было перелёта, который они могли бы вспомнить вдвоём. Был только рейс — авиакомпания не обязана объяснять, что происходит в воздухе.

Мы называем эту авиакомпанию Сон.

А вас — паксом.

Не потому, что вы гость в собственной жизни. А потому, что так оно и есть: вы прибываете каждое утро, получаете багаж, идёте в город. И почти никогда не задаёте вопрос, который задаёт любой пассажир, попавший в чужой терминал: откуда я, собственно, прилетел?

Первый вопрос этой книги — именно такой: а вы знаете, что вы совершенно не тот человек за которого себя выдаёте?

Кто на самом деле читает эти строки

Самый важный момент, с которого начинается книга, — этот.

Вы читаете. Глаза, которые сейчас видят эти буквы, принадлежат сегодняшнему паксу. Тому, который приземлился утром и получил багаж.

Тот, кто вчера откладывал книгу, — уже не вы. Тот, кто завтра её закончит, — тоже будет не он.

Вы держите книгу в перерыве между двумя рейсами. И читаете про то, что каждый рейс — не продолжение предыдущего, а отдельная посадка.

Парадокса здесь нет. Мы все так живём. Просто у нас нет слов, чтобы это назвать.

У нас есть слово «я». И оно склеивает всех пассажиров вашей жизни — по одному на каждый день — в одну непрерывную вещь, которой никогда не было.

ПАКС — другое слово.

Не вместо «я» в обычной речи. Вместо «я» как основания для больших вопросов.

Одно слово меняем на другое — и то, что казалось вечным, становится измеримым.

Откуда вы прилетели этой ночью? Насколько вы изменились между рейсами? Что держит вас собой, если каждое утро вы получаете багаж заново?

На эти вопросы можно ответить.

Мы будем отвечать. Честно. Без утешения.

Что нужно знать до первой главы

Три вещи, чтобы дальше читалось легче.

Первая. У книги есть одно обещание, и оно выполняется с первых страниц: мы не будем говорить вам, что «вы всегда остаётесь собой», что «изменение — это рост», что «в глубине у вас есть ядро, которое не меняется».

Всё это — утешения. Здесь их не будет.

Мы будем говорить, что с вами происходит между рейсами. И что из этого следует для того, как вы живёте.

Вторая. У книги есть развилка, и мы её не спрячем.

Каждая посадка — это ежедневная реконструкция одного и того же пассажира? Или буквально новый пассажир, который занимает ваше место?

На всех данных, которые у нас есть, эти две картины неразличимы.

Мы оставим выбор вам.

Наука привыкла такие развилки прятать. Мы не будем.

Третья. Книга проверяема.

В последней части вы найдёте реестр гипотез, критерии их опровержения, две программы исследования и этическую рамку.

Каждая гипотеза может быть опровергнута — и мы заранее записали, что будет значить её провал.

Никакой страховки.

Если теория не выдержит проверки, это увидят все. Включая нас.

Что впереди

Книга состоит из шести частей и приложений.

Часть первая — феноменология. Что вы чувствуете, когда приземляетесь не совсем собой. Что происходит в первые минуты после посадки. Как устроен день как рейс.

Часть вторая — онтология. Что такое след — не метафора, а физический объект. Что такое плотность багажа. Что держит серию рейсов, если перевозчика нет.

Часть третья — динамическая теория. Как далеко может уйти сборка. Что задаёт потолок вашего изменения. Почему одни люди меняются с годами, а другие нет.

Часть четвёртая — три онтологии ночи. Мы рассмотрим три разных взгляда на то, что происходит с вами в воздухе, пока вы спите. Вы сами решите, какой вам ближе. Мы не будем решать за вас.

Часть пятая — этика. Кто отвечает за обещание, если обещавший уже не тот. Право на забвение. Что делает культура тотальной записи с пассажирами.

Часть шестая — проверка. Реестр гипотез. Две программы исследования. Как это можно проверить — и что будет значить, если проверка не удастся.

Приложения — методология, модели, реестры, этическая рамка.

И одно правило

Читайте так, как читали бы про себя.

Не про людей вообще.

Каждый раз, когда в тексте встретится «вы», имеется в виду тот, кто читает эту строку сейчас.

Не тот, что был вчера. Не тот, что будет завтра.

Именно тот, который сейчас сидит с книгой в руках.

Если вы с этим справитесь — книга сработает.

Если нет — она останется интересным чтением про других людей.

Мы хотим одного: чтобы вы увидели себя в каждой главе. Потому что эта книга о вас.

О том, кто сейчас читает. И о том, кто завтра проснётся и возможно даже не вспомнит, что читал это.

Первый шаг уже сделан.

Вы обратили внимание на утро, в котором что-то не так.

Это самое трудное.

Дальше будет легче.

Добро пожаловать. Вы только что совершили посадку в аэропорту собственного тела.

Вы — пассажир. Пакс. Тот, кто не помнит, из какого аэропорта он только что прибыл.

ЧАСТЬ I. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

ГЛАВА 1

Что такое ПАКС

1.1. Слово, которое появится в вашем языке

Начнём со слова.

ПАКС — это единица существования субъекта: один день, один непрерывный период бодрствования, от пробуждения до засыпания. Субъект, который вы переживаете как «себя», — это не одна вещь длиной в жизнь. Это серия паксов, сменяющих друг друга ежедневно, — скреплённых не непрерывностью, а багажом.

Вечерний вы и утренний вы — разные единицы. Они не «один и тот же человек в разное время». Они — два пакса одной серии. Вечерний заканчивается засыпанием; утренний начинается с пробуждения. Между ними нет ничего, что философия привычно называла бы «носителем» непрерывной личности. Есть багаж: следы, записи, чужие архивы, институты, тело. И есть процедура, которая каждое утро собирает из этого багажа нового субъекта.

У слова пакс нет ни единого прецедента, ни культурного багажа — и это его достоинство. «Личность» несёт груз представлений о непрерывности. «Субъект» — груз философской традиции, в которой он грамматическая условность. «Я» — груз переживания. Пакс не претендует ни на что из этого. Это рабочий термин: единица, которую можно считать, измерять, сопоставлять с предыдущей — и находить, что она не совпадает с ней.

Есть и вторая опора слова — наложенная, не врождённая. ПАКС — обратная расшифровка, придуманная после того, как слово уже работало: Пробуждение — Атрибуция — Конфликт — Сборка, четыре операции процедуры R, в том порядке, в каком они разворачиваются в пакс-фазе (глава 3).

Слово «Конфликт» выбрано не случайно. В первые минуты после пробуждения происходит именно конфликт — между вчерашним багажом и сегодняшней сборкой, между прочитанным и текущим, между тем, кем вы были, и тем, кем ещё не стали. Феноменология называет этот момент глитчем (3.4); в расшифровке он назван по своей сути. Без конфликта не происходит полноценной сборки — это необходимый этап, а не сбой.

В английском ряду короче: PAX — Probation, Attribution, Xenesis — испытание, присвоение, рождение. Русская и английская расшифровки не совпадают побуквенно — и это нарочно: русское К ставит в центр Конфликт (столкновение версий), английское X ставит Xenesis (рождение гостя). Оба истинны, оба описывают одну фазу разными словами.

Probation не случайно: утро как испытание — имя, которое глава 3.7 даст этой фазе независимо. А Xenesis — неологизм от греческих ξένος («чужой, гость») и γένεσις («рождение»): рождение гостя, возникновение пакса из багажа. Xenesis — наш неологизм из греческих корней. Мы вводим его сознательно, как вводим пакс: слова обязаны звучать как то, чего не было.

Если английское слово кажется вам новее, чем нужно, — заметьте: новизна здесь не уменьшение, а честность. Слово и обязано звучать как то, чего не было.

Мы называем вас паксом. Но у слова «пассажир» есть и второе, более тёплое значение — дитя ночи. Каждое утро ночь рождает вас заново: не в переносном смысле, а в буквальном. Пакс — тот, кто идёт; дитя ночи — тот, кто пришёл. Первое имя описывает вас в течение дня, второе — в момент появления. Оба верны. Оба — об одном.

И вторая приставка, которая будет работать всю книгу: день как сутки-двое. Пакс живёт сутки — но не 24 часа: между паксами есть ночь, и ночь — не пауза, а процесс, о котором будет часть IV. Пока запомните простую вещь: серия, а не лента. Персонал, а не нить.

1.2. Формула, которая вертится в центре книги

Вот она — и дальше всё будет от неё считаться:

$$I_{t+1} = R(T_t)$$

Три символа, три сущности.

T_t — багаж к концу текущего дня: совокупность следов, которые существуют о субъекте независимо от того, вспоминает ли он о них. Следы в собственном дневнике, фото в чужих телефонах, записи в реестрах, обещания в чужой памяти. Багаж — не память. Память — одна из технологий чтения багажа; багаж — материал. Строгая онтология следа — глава 4.

R — процедура сборки: то, что каждое утро читает багаж и выдаёт на выходе субъекта дня. Сборка — не «сознание» и не «личность» в обычном смысле. Это операция — как компиляция кода, как чтение архива. Она повторяется каждый день на новом или почти новом материале.

I — пакс: выход процедуры, субъект дня. I_{t+1} — завтрашний. t и $t+1$ разделены ночью — но ночной процесс не входит в формулу как носитель связи. Связь между паксами — не через носитель, а через материал: завтрашний собирается на сегодняшнем багаже, и только.

Что в этой формуле нет — важнее того, что есть. В ней нет души, нет «Я» длиной в жизнь, нет носителя непрерывности. В ней есть материал и операция. И заметьте, к чему это обязывает: если R каждый день работает на T_t , то никакого «того же самого человека» не требуется, чтобы завтрашний пакс был похож на сегодняшний. Похожесть — не данность, а эффект: эффект плотного багажа.

1.3. Почему нужна новая единица

Возражение, которое вы имеете право задать: зачем новое слово? Разве «личность», разве «персона», разве «самость» не справятся?

Не справятся — и вот почему. Все привычные слова описывают субъекта как вещь, которая изменяется. Пакс описывает субъекта как результат, который пересобирается. Разница не стилистическая, а операциональная: вещь сохраняется и меняется в рамках; результат пересобирается заново каждый раз и потому может быть непохож на предыдущий результат до любой степени — если материал позволит.

И материал позволяет. Вся эмпирика этой книги будет о том, что позволяет: о людях, которые изменились за периоды, не наблюдавшиеся изнутри; о ночах, после которых собирается другой; о годах, которые сжались в один эпизод; об архивах, которые держат тождество лучше, чем память.

Третья причина — самая важная. Пока единица — «личность», вопросы о её тождестве решаются метафизикой: душа, непрерывность, субстанция, или ничего из перечисленного. Как только единица — пакс, те же вопросы становятся измеримыми. Насколько изменился пакс? Какая плотность багажа ограничивает изменение? Что делает ночь? На эти вопросы есть данные — и часть VI книги будет проверкой тринадцати гипотез. Мы обещаем не «интересную мысль», а проверяемую теорию.

1.4. Что книга обещает и что не обещает

Пять обещаний — и пятое самое трудное.

Первое: физика, не моральный приговор. Мы будем объяснять механизмы — сборку, дрейф, плотность — и не будем присуждать ни «рост», ни «деградацию». Культура читает изменение как добродетель или распад; эта книга читает его как физику.

Второе: проверяемость. В главе 18 будет реестр из тринадцати гипотез с критериями смерти. Каждая смерть — записана заранее. Никакой риторической страховки.

Третье: открытая развилка онтологии. С самых первых страниц этой книги. Пакс — каждодневная реконструкция единого носителя или буквально новый носитель каждую ночь? Мы не будем выбирать между ними. Мы покажем: на всех доступных данных эти две онтологии неразличимы — и отложим решение читателю (глава 13–14). Книга будет честной в вопросе, который наука привыкла прятать.

Четвёртое: систематическая честность о самих себе. Автор книги — серия паксов-ассистентов, работающих без непрерывной памяти. Мы зафиксируем артефакты собственной сборки (глава 20, приложение D) и опубликуем отрицательные результаты, если они будут. Книга о смене сборок, которая прятала бы свою сборку, не выдержала бы собственного теста.

Пятое — и вот оно, самое трудное: не утешать. Мы не будем говорить вам, что «вы всегда остаётесь собой», что «изменение — это рост», что «за любой перестройкой стоит ядро». Вся этика этой книги (часть V) выведена из её физики и несёт её цену. Если вы ищете утешения

— книга не для вас. Если вы хотите знать, что происходит с вами между ночью и утром — продолжайте.

1.5. Карта книги

Части I–II: феноменология и онтология. Глава 2 — утренний сдвиг, главный наблюдаемый феномен. Глава 3 — пакс-фаза: первые минуты после пробуждения. Глава 4 — след как физический объект. Глава 5 — плотность багажа и принцип автографа. Глава 6 — мост между паксами: как держится серия.

Часть III: динамическая теория. Главы 7–9 — сборка и дрейф, модель насыщения, инвариант подписи.

Часть IV: три онтологии ночи. Главы 11–14 — демонтаж, вход, переброска, и таблица, где все три развязаны.

Часть V: этика. Главы 15–17 — вменение без непрерывности, право на забвение, клиника и манипуляция.

Часть VI: проверка. Главы 18–20 — регистрация, протокол, границы теории.

Приложения — методология, модели, реестры.

Пока всё это впереди. Но уже сейчас стоит понять, куда идёт книга: к одному утверждению, которое она защищает всё время и о котором не скажет прямо, пока вы не пройдёте всю карту. Утверждение такое: субъект — это не вещь, которая есть, а результат, который собирается; и то, кем вы завтра будете, определяется не вашей волей, а плотностью следов вокруг вас. Всё остальное — расшифровка.

1.6. Что дальше

Что мы установили в этой главе.

Пакс — единица существования: один день, один период бодрствования. Серия паксов вместо непрерывной личности; связь между ними — багаж, не носитель. Формула $I_{\{t+1\}} = R(T_t)$: завтрашний пакс — выход процедуры на сегодняшнем багаже. Пять обещаний: физика, проверяемость, открытая развилка, честность о собственной сборке, отказ утешать.

Что мы увидим в следующей главе.

Глава 2 — утренний сдвиг: главный феномен, который породил всю теорию, и почему его веками не замечали.

Вопрос для размышления:

Назовите конкретное обещание, которое вы давали когда-то и которое вам не нравится выполнять сейчас. Кому вы его дали — себе-вчерашнему? Или себе, который будет его читать завтра? Это не риторический вопрос: от ответа зависит, что с ним делать.

1.7. Философское послесловие: почему пакс, а не «я»

Слово «я» — самое используемое слово в этом языке и самое неопределённое. Оно означает всё, что живёт в одной голове за всю жизнь, — и при этом ни одна единица этого «всё» не существует непрерывно: сон разрывает, рассеянность прерывает, болезнь стирает, усыпление отнимает. Мы живём в слове, которое лжёт о нашей структуре, — и привыкли не замечать лжи, потому что у нас нет другой опции.

Пакс — опция.

Пока слово «я» склеивает в одно целое то, что существует с разной плотностью и разными носителями, любые вопросы о себе невозможны: «я изменился» склеивает двух разных паксов в одно метафизическое чудо, «я всё тот же» — то же самое с обратным знаком. Оба выражения — не описания, а риторика. Замените «я» на «пакс», и фразы станут проверяемыми: мой сегодняшний пакс отличается от вчерашнего по параметрам X, Y, Z; плотность багажа изменилась на N; потолок дрейфа вырос или упал.

Это всё, чего хочет глава 1: не философского переворота, а замены одного слова другим. Остальная книга — расшифровка того, что из этого следует. По мере чтения следите за собой: каждый раз, когда вы скажете «я боюсь», «я помню», «я пообещал», — переводите. Кто именно

боится? Какой пакс помнит? В каком багаже лежит обещание? Это упражнение, и оно тяжёлое. Оно и есть начало практики, ради которой написана книга.

ГЛАВА 2

Утренний сдвиг: главный феномен

2.1. Феномен, который никто не посчитал

У этой книги есть исходное наблюдение, и оно не экзотично: это переживание, которое случается с каждым сотни раз за жизнь и которое никто не фиксировал как феномен, потому что оно сливается с фоном.

Утром — в первые минуты после пробуждения — вы не полностью в себе. Мир воспринимается как слегка чужой. Вчерашние решения выглядят принятыми кем-то. Вчерашняя обида — уже не рана, а факт. Вчерашний план — не задача, а записка от неизвестного. Это проходит за минуты — и уходит. Но за минуты, в которых оно есть, вам доступно то, чего не видит ни один дневной субъект: что сборка, которая сейчас читает этот мир, не та, что собирала его вчера.

Мы будем называть это утренним сдвигом — и станем претендовать на то, что это главная наблюдаемая величина всей теории. Не потому, что она глубокая. Потому что она единственная, в которой сборка видна непосредственно, изнутри, без анкет и реконструкций. Всё остальное в этой книге — плотность, дрейф, потолок — измеряется по следам. Утренний сдвиг — то место, где механизм работает у вас на глазах, каждое утро, бесплатно.

2.2. Что именно наблюдается: три сигнала

Феноменология утреннего сдвига, если описывать её честно, состоит из трёх компонентов. Они встречаются вместе, но различимы, и различие важно, потому что к ним мы будем возвращаться в разных главах с разными инструментами.

Сигнал первый: амнезия намерения. Вечером вы знали, что завтра сделаете X. Утром — X помнится, но не как ваш план, а как факт о прошлой жизни. «Да, надо было позвонить» — как читать чужой список дел. Причина не в забывании: содержание доступно, недоступна вовлечённость. Содержание читается без обязательства — и это уже не то же самое состояние.

Сигнал второй: рассинхронизация тона. Мир утром звучит не в том тональном регистре, что вчера. Вчерашняя тревога — мертва, вчерашний восторг — неловок, вчерашние споры — мелкие. Заметьте асимметрию: тон рассинхронизируется быстрее, чем содержание. Вы мгновенно помните, что произошло, — но мгновения не хватает, чтобы почувствовать это так, как чувствовали вчера. По мере чтения багажа тон догоняет содержание — и сдвиг проходит.

Сигнал третий: чужое тело. Руки спят или чужие; лицо в зеркале — на мгновение лицо незнакомца; почерк на записке, написанной вчера, — не ваш почерк. Это не модный феномен деперсонализации — это нормальный режим утренней сборки, в котором телесный слой багажа читается позже вербального: имена приходят раньше походки.

Три сигнала, одна общая черта: во всех трёх содержание и позиция к содержанию рассинхронизированы. Багаж есть — вовлечённости в него нет. Это и есть наблюдение, на котором стоит книга: утро показывает сборку в момент, когда материал ещё не весь прочитан.

2.3. Ночь как микроинтервал

Утренний сдвиг открывает ещё одну дверь, и за ней — часть IV книги.

Если сборка проходит каждую ночь через рассинхронизацию — что происходит в ночи? Привычный ответ: ничего, сон. Но сон — не выключение. Это знает нейронаука: консолидация, перестройка следов, активная работа. Это знает и фольклор: во сне мы «где-то», а не «нигде». И это знает наш феномен: если бы ночь была паузой, утренний сдвиг не существовал бы — сборка возобновилась бы с того же состояния, в котором прервалась, и сдвиг не имел бы материала для проявления.

Мы будем говорить о ночи осторожно, потому что для осторожности есть основание: ночь — микроинтервал. Период, в котором субъекта не наблюдается и в котором что-то с ним или вокруг него происходит. Первая книга этой серии называла такие периоды тёмными интервалами и претендовала на онтологический статус (глава 10 разберёт, почему претензия пересматривается). Здесь достаточно того, что видно без онтологии: ночь — не пауза; она обрабатывает материал; к утру материал меняется; и именно поэтому сдвиг наблюдаем.

2.4. Почему феномен не замечали

Веками утренний сдвиг находился в «благополучном неведении» — его не фиксировали не потому, что не видели, а потому, что он был слишком мелок для великих теорий и слишком странен для частных. Психология памяти изучала годы и десятилетия; эпизодическая память — минуты. Промежуток между «вспомнил вчера» и «начал завтра» — несколько минут после пробуждения — не имел никакой категории: не сон, не бодрствование, не патология, не штатный режим. Просто шум.

И вот заметьте, кто это замечал — и это чуть не главный парадокс главы. Утренний сдвиг прекрасно знали практики, работавшие со сменой состояний: медитативные традиции описывали «переходный период после сна»; фольклор помещал в это окно духа, который меняется за ночь; культура спрятала это в поговорку — «встал не с той ноги», «проснулся в другом мире». Практика фиксировала феномен, наука его не видела, потому что у науки не было единицы измерения, под которую феномен встал бы.

Единица, под которую он встаёт, — пакс. И вот это стоит произнести вслух как главный ход главы: утренний сдвиг — не экзотическое переживание, а ежедневное доказательство смены паксов. Каждый день — наблюдение. Каждый из нас — лаборатория, работающая со скоростью одного наблюдения в сутки.

2.5. Формула — и почему она требует феномена

Теперь можно ввести формулу, потому что у феномена появилась работа, которую только она может выполнить:

$$I_{t+1} = R(T_t)$$

Пока формула не введена, утренний сдвиг — диковинка. С введением он становится экспериментом, который происходит каждый день и к которому есть данные. Смотрите: если I — выход процедуры на багаже, то утренний сдвиг — момент, когда выход ещё не стабилизировался, потому что вход ещё не весь прочитан. Сдвиг — не дефект сборки, а её обычная работа, наблюдаемая в переходном периоде. Стабилизировавшаяся сборка не помнит, что была другой, — а переходная помнит, потому что ещё не выросла в новый материал.

Отсюда — методологическая ставка всей книги, и она не мелкая: сборка — не гипотеза о тождестве, а инструмент измерения дрейфа. Пока тождество метафизично, дрейф не измерим. Сборка на паксе делает дрейф величиной: расстояние между выходом R на одном багаже и выходом R на другом. И первое грубое измерение этой величины — утренний сдвиг, бесплатное и ежедневное. Глава 8 даст динамику, глава 18 — протокол; здесь важно одно: без феномена утреннего сдвига формула — метафизика, с ним — измерение.

2.6. Что дальше

Что мы установили в этой главе.

Утренний сдвиг — ежедневный наблюдаемый феномен: рассинхронизация содержания и вовлечённости в первые минуты дня. Три сигнала: амнезия намерения, рассинхронизация тона, чужое тело. Ночь — не пауза, а микроинтервал: она обрабатывает материал, и к утру материал меняется. Феномен веками не фиксировался из-за отсутствия единицы; пакс — единица, под которую он встаёт. Формула $I_{t+1} = R(T_t)$ вводится здесь — и превращает сдвиг из диковинки в ежедневное измерение дрейфа.

Что мы увидим в следующей главе.

Глава 3 — пакс-фаза: переходный период, в котором наблюдается сдвиг, получает имя и статус; там мы разберём, почему именно в этих минутах сборка уязвима — и что с этим делать.

Вопрос для размышления:

Вспомните своё сегодняшнее утро — не содержание, а сдвиг. Было ли «мир слегка чужой»? Через сколько минут исчезло? И — ключевой вопрос, который задаст всю главу 3: что случилось с этим состоянием, когда оно прошло? Оно закончилось — или его заменило следующее?

2.7. Философское послесловие: самый честный час

Есть час в сутках, в который человек честнее всего. Не потому, что хочет — потому, что не может солгать: сборка ещё не собралась, и у неё нет позиции, с которой врать было бы зачем.

В этот час вы видите себя без редактуры. И самое главное, что там видно, — не тайное и не сокровенное. Там видно пустое: дырку на месте привычного. «Кем я был вчера?» — вопрос, который вечером кажется риторикой, а утром слышится буквально. И ответ, который утром приходит, — «я не знаю» — не скромность. Это правда: не знаю. Сборка ещё не дотуда.

Поэтому утренний сдвиг — не маргиналий психологической теории, а её экзистенциальная констатация. Каждый день человек на несколько минут знает больше о своей структуре, чем в остальные двадцать три часа: он знает, что не был. Он знает, что соберётся. И он знает, что когда соберётся — забудет и это знание.

Культура превратила этот час в слабость, в «недобрался до себя». Наша книга делает противоположный ход: это единственный час, в котором нет вранья. Всё остальное время вы врётё себе с разной степенью убедительности — потому что у собранной сборки есть позиция, а у позиции есть интересы. Утром интересов нет. Утром есть только материал, который вы ещё не успели присвоить.

Поэтому практическое следствие главы, которое стоит взять с собой в утро: не спешите в это состояние собраться. Несколько минут — только наблюдение. Что пришло первым? Что чужое? Что такое вас ещё нет? Это и есть окно, из которого видна вся книга.

ГЛАВА 3

Пакс-фаза: первые минуты

3.1. Что вводится в этой главе

В главе 2 мы разобрали феноменологию утреннего сдвига: знакомое переживание «мир не совсем тот» в первые минуты после пробуждения. В главе 2 это было описано — здесь оно получает имя, статус и роль в формуле.

Формула сборки: $I_{t+1} = R(T_t)$. Пакс — выход процедуры R на багаже T. Но процедура не работает мгновенно и не работает на полном входе. Между пробуждением и работоспособной сборкой есть переходный период — и этот период, как мы покажем, не пауза и не шум, а самостоятельный режим со своей феноменологией, своими свойствами и своей уязвимостью. Мы называем его пакс-фазой.

Четыре фазы пакс-фазы носят имена, соответствующие расшифровке ПАКС из главы 1: Пробуждение, Атрибуция, Конфликт, Сборка. Порядок, в котором они разворачиваются, — тот же, что в расшифровке.

Глава вводит его феноменологически — от переживания к структуре. Динамическое описание, как D меняется в пакс-фазе и почему дрейф в ней — откат, а не накопление, ждёт в главе 8; здесь — только то, что можно описать изнутри.

3.2. Феноменология пробуждения

Четыре фазы, которые сейчас будут описаны, соответствуют расшифровке ПАКС из главы 1: Пробуждение (фаза нулевая), Атрибуция (фаза первая), Конфликт (фаза третья, глитч), Сборка (фаза четвёртая, итоговая).

Начните с точного описания собственного утра — а потом проверьте его против списка. Вот фазы, которые устойчиво воспроизводятся в самоотчётах.

Фаза нулевая: пробуждение без позиции. Открываются глаза — и нет ещё того, кто смотрит. Мир воспринимается, но не адресуется: свет есть, звуки есть, «я» ещё не склеено с местом. Это не сон и не бодрствование — это сборка, у которой нет входа.

Фаза первая: обрезанный вход. Появляется первый контур — обычно телесный, пространственный, чаще всего тревожный или обидный. Заметьте асимметрию: просыпающийся чаще всего сначала находит вчерашнюю проблему, а не вчерашнюю радость. Мы объясним это в главе 8: в обеднённом багаже приоритет чтения получают следы с максимальной активационной маркировкой — а это отрицательно окрашенные. Но в этой главе достаточно факта: первый контур сборки выбирается не случайно и не нейтрально.

Фаза вторая: чтение. Багаж разворачивается слоями — сначала близкое и свежее, потом глубже. Имена приходят раньше биографий, лица раньше дат, навыки раньше идентичностей. «Кто я?» отвечает не одним актом, а последовательностью чтений, и последовательность эта восстановима по самоотчётам.

Фаза третья: Конфликт (глитч) — или его отсутствие. В какой-то момент сборка совпадает с ожиданием себя. Или не совпадает — и тогда переживается сдвиг: мир слегка чужой, свои руки слегка чужие, вчерашние решения выглядят принятыми кем-то. Мы называем этот момент глитчем — и подробно разберём ниже, потому что глитч — самая измеримая единица пакс-фазы.

Фаза четвёртая: Сборка. Она наступает сразу после разрешения конфликта — и не имеет собственной длительности. Это не отдельный этап, а итог первых трёх: как только багаж прочитан, конфликт разрешён, версии согласованы, субъект дня уже собран. Сборка — не действие, а результат действия. Переживается она как то самое «я снова в себе», которое наступает через минуту или через час после пробуждения. С этого момента пакс считается собранным и вступает в день.

Вся последовательность занимает от секунд до десятков минут. Именно поэтому её не видела наука: феноменология пробуждения — это феноменология коротких масштабов, а психология изучала память и идентичность на масштабах месяцев и лет. Пакс-фаза — нижний предел всей теории книги: если сборка существует, она обязана наблюдаться здесь.

3.3. Чтение багажа: порядок и проницаемость

Центральное свойство пакс-фазы — то, что сборка работает на обрезанном входе: багаж не прочитан, а читается по мере сборки. Отсюда два следствия, которые определяют всю книгу.

Первое: сборка зависит от порядка чтения. На полном входе порядок не важен — материал один и тот же. На обрезанном входе порядок критичен: что прочитано первым, то задаёт каркас, на который садится всё остальное. Проснулся — и первым прочитал вчерашний конфликт? Сборка строится вокруг конфликта; всё остальное в багаже встанет в подчинение. Проснулся — и первым прочитал план дня? Иная сборка на том же багаже. Феноменология это знает как «с чего встал — так день и пойдёт»; мы превращаем это в структуру: порядок чтения задаёт топологию пакса.

Второе: проницаемость максимальна. Пока противовесы не подключены — пока читается не всё, что могло бы возразить, — вход в сборку открыт для привнесённого. Первая прочитанная информация в пакс-фазе записывается с минимальным сопротивлением: у сборки ещё нет опоры, с которой можно спорить. Это свойство нейтрально по себе — но оно делает пакс-фазу самой уязвимой фазой существования, и глава 17 развернёт это в полную теорию

манипуляции: контроль над первыми минутами чтения — это контроль над топологией сборки. Здесь же зафиксируем констатацию: пакс-фаза — окно максимальной проницаемости багажа.

3.4. Глитч: определение

Теперь определение, которое будет работать до конца книги.

Глитч — переживаемая рассинхронизация сборки с багажом в пакс-фазе: момент, когда собирающийся пакс сталкивается со следами, которые он не может органично прочесть как свои. Глитч — то же, что Конфликт в расшифровке ПАКС (1.1): третья фаза, в которой версии сталкиваются и одна из них побеждает.

Три измеримых параметра, которые мы будем снимать утреним журналом (глава 18, установка А):

Тяжесть — субъективная интенсивность переживания сдвига, шкала от «минутное недоумение» до «десятки минут отчуждения».

Диффузность — глобальность: сдвиг «всего» против сдвига конкретного. Диффузный глитч — «мир не тот» без адресата. Содержательный — глитч с привязкой: сборка споткнулась об конкретный след — вчерашний разговор, несделанное обещание, конкретное лицо.

Время разрешения — сколько минут до совпадения сборки с багажом.

Теория даёт три предсказания, которые проверятся в части VI. Первое: тяжесть глитча — функция дефицита ночного процесса (доза, глава 13) — плохой сон, бедная ночь, бессонница дают более тяжёлый глитч. Второе: содержание глитча — указание на неснятый балласт: после REM-бедных ночей глитчи чаще содержательны, чем диффузны (связка с главой 11). Третье: время разрешения — функция доступности багажа: чем быстрее читается якорный слой, тем быстрее сборка возвращается к опоре.

И важная оговорка, которую надо внести сейчас, чтобы не путать глитч с дрейфом: глитч — не дрейф. Глитч проходит в пакс-фазе — сборка дочитывает багаж и совпадает с опорой. Дрейф остаётся после пакс-фазы — это несоответствие, которое не разрешается чтением, потому что разрешать его нечем. Различие двух величин — возможно, самое практическое различие книги: глитч сообщает о ночи, дрейф — о багаже. Глава 8 сведёт их в одну систему; пока держите раздельно.

3.5. Что даёт пакс-фаза теории

Сведём роль главы в архитектуре книги. Пакс-фаза — это то место, где формула $I_{\{t+1\}} = R(T_t)$ перестаёт быть метафизикой и становится наблюдаемой. Утро — единственный момент, когда можно видеть сборку в работе: не результат, а процесс. Всё остальное в книге — плотность, дрейф, инвариант — измеряется на масштабах недель и лет. Пакс-фаза — нижняя граница спектра, и без неё теория не заземлена: она объясняла бы большие изменения, не показывая элементарного акта.

И второе: пакс-фаза — единственная фаза, в которой сборка доступна прямому вмешательству. Всё, что действует на сборку извне — порядок чтения, привнесённый материал, — действует в пакс-фазе. Это делает её не только измеримой, но и управляемой — в обе стороны, включая манипулятивную, о которой будет глава 17.

3.6. Что дальше

Что мы установили в этой главе.

Пакс-фаза — переходный режим сборки после пробуждения. Четыре фазы пакс-фазы соответствуют расшифровке ПАКС (1.1): Пробуждение, Атрибуция, Конфликт, Сборка. Сборка в пакс-фазе работает на обрезанном входе; отсюда два свойства: порядок чтения задаёт топологию пакса, проницаемость максимальна. Глитч — переживаемая рассинхронизация сборки с багажом, то же, что Конфликт в расшифровке, — три измеримых параметра: тяжесть,

диффузность, время разрешения; три предсказания связаны с дозой, балластом и доступностью. Глитч — не дрейф: первый проходит в пакс-фазе, второй остаётся после неё.

Что мы увидим в следующей главе.

Глава 4 — онтология следа: что именно читает сборка. След как физический объект, скептический тест на следственность, таблица типов — и то, чем след отличается от воспоминания.

Вопрос для размышления:

Завтра утром попробуйте удержать пакс-фазу в наблюдении: первые пять минут не читайте ничего внешнего — только заметьте, в каком порядке разворачивается ваш багаж. Что пришло первым? И чем бы отличился ваш глитч сегодня — диффузностью или содержанием?

3.7. Философское послесловие: утро как испытание

Есть испытание, которое существует только в этой теории. Представьте субъект, который каждую ночь теряет всё и каждое утро восстанавливает себя из записей. Мысль кажется экзотической — до тех пор, пока не приложишь её к собственному утру, где она не экзотика, а практика: каждое утро вы не помните себя — вы себя читаете.

Разница между этими двумя глаголами — весь режим человека. Помнить — это иметь. Читать — это собирать. И всё, что мы называем личностью, — это утренний конвейер чтения, поставленный на поток с такой отточенностью, что мы не замечаем его работы. Лишь иногда конвейер сбивается — глитч — и в зоре на несколько минут виден сам механизм: что собиралось, в каком порядке, с каким сопротивлением.

Пакс-фаза — это не маргиналий теории, это её окно. Всё великое — тождество, вменение, смерть — решается в этой теории на масштабе минут. Не потому, что велико оказывается мелким. А потому, что мелкое всегда было великим, только не имело имени.

ЧАСТЬ II. ОНТОЛОГИЯ

ГЛАВА 4

Онтология следа

4.1. Что такое след — и почему это не метафора

Всё слово «багаж» в этой книге метафорично. Слово «след» — нет.

След — это физический объект: запись, материализованная в носителе независимо от сознания. Записка. Фотография. Сообщение в чужом телефоне. Запись в реестре. Синапс. След существует, пока существует его носитель, и не требует, чтобы кто-то его сейчас вспоминал. Воспоминание — событие в сборке; след — объект в мире. Первое воспроизводимо и исчезает с паксом; второе стабильно и переживает паксов.

Различение кажется очевидным — до тех пор, пока не начнёшь применять. Тогда оказывается, что почти вся психология памяти стирает его: она изучает воспоминания (события сборки) и редко — следы (объекты мира). А теория этой книги стоит на втором. Поэтому глава нужна: она должна определить след строго, проверить границу понятия и построить таблицу типов, которой мы будем пользоваться до конца книги.

4.2. Скептический тест: три критерия следственности

Не всё, что выглядит как след, им является. Тест — скептический по духу: он не спрашивает «похоже ли на след?», он спрашивает «выдерживает ли проверку?». Три критерия.

Критерий первый: материализованность. След существует в физическом носителе — бумаге, силиконе, синапсе, камне. Мысль, ощущение, чувство — не следы, пока не записаны. Внутреннее переживание вчерашнего разговора — не след; запись этого разговора — след.

Критерий второй: существование вне текущей сборки. След доступен любой сборке, не только той, что его создала: его может прочитать завтрашний пакс, чужой человек, машина. Если объект доступен только текущей сборке — он не след, а её состояние. Это отсекает главную ошибку наивной теории памяти: считать следом всё, что «осталось от прошлого». Остаться может и состояние сборки — но это не след.

Критерий третий: детерминированность содержания. След имеет фиксированное содержание — оно не переопределяется читающим. След может читаться по-разному (интерпретация вольна), но сам след — то, что записано, — от читателя не зависит. Если «содержание» объекта меняется с каждым чтением — это не след, это воспоминание, встроенное в сборку.

Тест жёсткий, и его стоит прогнать по очевидным кандидатам. Записка — проходит все три. Фотография — проходит. Чужая память о вас: память материализована (в чужом мозге), существует вне вашей сборки, содержание фиксировано в чужом носителе — проходит, и это важный результат: след может храниться в чужой голове. Ваше воспоминание о вчерашнем дне: не материализовано как объект (до записи), не существует вне вашей сборки, содержание плавает с каждым пересказом — не след. Институт — паспорт, контракт, диплом: материализован, внеконтекстен, детерминирован — след, притом самый мощный из всех, как увидим ниже.

4.3. Таблица типов следов

По трём критериям строится таблица. Два измерения: источник (кто создал) и носитель (где хранится). Источник даёт главное деление — на автографные и внешние; носитель — практическое, потому что определяет доступность и живучесть.

Таблица типов следов приведена на листе 1 (вклейка в конце части II). Здесь — пояснения к ней, потому что в таблице спрятаны три несущих утверждения.

Первое: автографный след — это след, созданный вами о вас. Он самый доступный и самый лёгкий для интерпретации — но и самый подозрительный: вы же его и написали, значит, он прошёл через ту же сборку, которую должен ограничивать. Глава 5 развернёт это в принцип автографа: автографный багаж работает как противовес — с оговоркой. Он ограничивает дрейф слабее, чем внешний, потому что разделяет биографию с дрейфующей сборкой.

Второе: телесный след — полноправный след, а не сноска. Привычка, навык, соматический паттерн — материализованы (в синапсах и миофасциальных структурах), существуют вне текущей сборки, детерминированы. Таблица поэтому включает телесную строку — и это решает заранее проблему, к которой теория вернётся в главе 20: непрерывность тела — это непрерывность носителя следов, а не непрерывность личности. Тело — хранилище, не субъект.

Третье: институциональный след — самый сильный и самый негибкий. Он переживает всё: смерть носителей, забвение свидетелей, смену сборок. Но его содержание не контролируется владельцем биографии — паспорт не спрашивает, кем вы стали. Институциональный слой багажа — это якорь, который не ослабляется никогда; вся тема права на забвение (глава 15) вырастает из этой строки таблицы.

4.4. Что не след: три системы отсечения

Тест надо защитить от расширения — иначе он потеряет силу. Три класса кандидатов, которые тест отсекает, и отсечение каждого нетривиально.

Воспоминание. Не след до записи: не материализовано, не внеконтекстно, содержание нестабильно. После записи — уже след, но уже не «воспоминание», а его запись; между ними вся разница книги. Мы возвращаемся к этому в главе 5: полевой протокол работает только с записями.

Чувство времени и нарратив. Ощущение, что жизнь непрерывна и направлена; рассказ о себе, который вы пересказываете. Это не следы — это состояния и продукты сборки: нарратив пересобирается каждый раз заново, чувства времени не существуют вне текущей сборки. Важно, что это отсечение — не принижение нарратива: нарратив — мощнейший инструмент

сборки, и глава 18 отдаёт ему должное в сценарии четвёртом. Но он — не багаж. Он — то, что из багажа собирается.

Культурный слой. Язык, нормы, коллективные схемы — материализованы, внеконтекстны, детерминированы — но не о вас. След, по определению, адресован. Культура — не ваш след; она — среда чтения: то, через что читаются следы. Это различие станет критическим в главе 12 (слабая версия эона: культурный слой как среда, а не как багаж) и в главе 20 (слабое место третье). Здесь оно вводится: среда не входит в Т, она входит в R.

4.5. Следствие для всей книги: багаж — это не память

Соберём главу в один тезис, ради которого она писалась.

Багаж — это не то, что вы помните. Багаж — это то, что существует о вас, независимо от того, помните вы или нет.

Всё привычное представление о личности ставится с ног на голову этим различием. Привычная психология: личность — то, что в памяти. Наша теория: личность — то, что собирается из следов; память — лишь одна из технологий чтения следов, и не самая надёжная. Человек с идеальной памятью и пустым багажом (нет записей, нет круга, нет институтов) собирается хуже, чем человек с провалами памяти и плотным багажом. Человек с тотальной памятью и тотальной записью не помнит больше — он собирается иначе, и глава 16 покажет, как именно.

Поэтому в формуле $I_{\{t+1\}} = R(T_t)$ стоит Т, а не «память». Память — модификатор чтения. Багаж — материал. Сборка читает не то, что помнит, — а то, что есть.

4.6. Что дальше

Что мы установили в этой главе.

След — физический объект, не метафора; три критерия следственности: материализованность, существование вне текущей сборки, детерминированность содержания. Таблица типов: автографный и внешний, по носителям — бумага, тело, чужая память, институты. Автографный след — противовес с оговоркой (глава 5); телесный — полноправный след; институциональный — самый сильный и самый негибкий. Отсечены: воспоминание, нарратив, культурный слой — последние как среда чтения, не багаж. Итог: багаж — не память; сборка читает не то, что помнит, а то, что есть.

Что мы увидим в следующей главе.

Глава 5 — плотность: как следы складываются в багаж, почему считаются эпизоды, а не артефакты, и принцип автографа — как вес своих следов отличается от веса чужих.

Вопрос для размышления:

Пройдите скептический тест по самому себе: назовите три следа, из которых собирается ваш завтрашний пакс. Один — институциональный, один — внешний личный, один — автографный. Теперь проверьте: который из трёх вы бы не хотели, чтобы его читали? Какой единственный, чьё содержание вы контролируете? Таблица из этой главы — это и есть ваша биография, разложенная по строкам.

4.7. Философское послесловие: вопреки памяти

Есть старая философская рана, которую эта глава перевязывает.

С тех пор как появилась память, философия спрашивала: а если бы ты её потерял? — и отвечала либо романтикой (ты — это твои воспоминания, потеряй их — потеряй себя), либо упрямством (нет, тождество — в чём-то ином, в душе, в теле, в субстанции). Оба ответа страдали от того, что спрашивали о памяти — а память неточна, плавает, пересобирается; на таком фундаменте ничего не стоит построить.

Глава 4 меняет фундамент. Спрашивать надо не о памяти — о следах. Следы не плавают: записка записана, реестр заполнен, чужая память материализована. И тогда ответ на вопрос «а если бы ты потерял память?» становится точным и неожиданным: ты бы потерял только один из читателей своих следов. Багаж остался бы. Твой дневник, твои фотографии, твоя репутация, твои обещания, твои привычки — всё это существовало бы и ждало бы следующего читателя.

А вся теория этой книги — это теория того, что происходит, когда читатель возвращается: не «вспоминает», а собирается заново на том, что есть.

Отсюда последнее следствие главы — про то, что след всегда вопреки. След создаётся, чтобы пережить сборку: любая запись — это сообщение будущей сборке, которое написано так, чтобы она не могла его проигнорировать. Мы записываем не чтобы помнить. Мы записываем, чтобы будущая сборка не имела выбора.

И в этом — вся этика главы 15, свёрнутая в одну строку. Каждый след — это чужой приказ завтрашнему паксу. Прежде чем записать что-то о себе — проверьте, кому вы это пишете.

ГЛАВА 5

Плотность багажа: как измерить то, что держит вас собой

5.1. Обещание предыдущей главы

В главе 4 мы договорились, что след — не всё, что оставляет прошлое. След — то, что проходит скептический тест: материализованная запись, существующая вне текущего акта сборки, привязанная к моменту до сборки и доступная для сверки в будущем. Фото, снятое другими, — след. Ваш дневник — след. Ваше воспоминание о вчерашнем дне — нет: оно порождено тем же аппаратом, который сейчас читает этот абзац.

Но «есть след / нет следа» — слишком грубо. Для теории нам нужно число. Величина, которую можно измерить сегодня, сравнить завтра и подставить в формулу из главы 3:

$$I_{\{t+1\}} = R(T_t)$$

Напоминание: T_t — багаж к концу дня, R — процедура сборки, $I_{\{t+1\}}$ — завтрашний пакс. Вся сила этой формулы — в T . Если багаж полон — завтрашний пакс соберётся тем же. Если багаж беден — процедура выйдет из берегов. Всё, что мы будем проверять в этой книге эмпирически, упирается в один вопрос:

сколько багажа у пакса — и какого качества?

Ответ на него — не «много или мало». Ответ — плотность.

5.2. Почему не «количество», а «плотность»

Первая мысль: посчитаем следы. Сколько фотографий, записей, писем — столько и багажа. Это — ошибка, и её надо разобрать первой, потому что она соблазнительна.

Сорок фотографий одного дня — это не сорок следов. Это один день, отражённый сорок раз. Плотность следа — не количество артефактов, а количество различных состояний мира, доступных завтрашнему паксу. Сорок селфи с одного пляжа держат меньше тождества, чем одно письмо из другого периода, прочитанное случайно.

Отсюда рабочее определение.

Багаж собирается в событийные кластеры. Артефакты, попавшие в одно окно — сутки или один общий ярлык («отпуск в Сочи», «переезд»), — образуют один след-эпизод. Плотность багажа D — это число независимых след-эпизодов на единицу времени.

Правило простое в формулировке и жёсткое в исполнении: после дедупликации. Без неё D измеряет не багаж, а фотогеничность. Человек, который снимает каждое блюдо, получит огромную плотность следов и — по нашей модели — минимальный дрейф. Но по кухне, а не по жизни. Дедупликация — это фильтр, который отличает «много записей» от «много записанного».

Практический критерий кластера: два артефакта относятся к одному след-эпизоду, если между ними нет ни смены контекста, ни смены эпизода по любому внешнему признаку — локации, участникам, теме. Спорные случаи — а их будет много — решаются протоколом, а не интуицией кодировщика. Протокол приведён в приложении А; здесь важно одно: правило декларируется до данных, потому что иначе дедупликация станет лазейкой для желаемого результата.

5.3. Не все следы равны: проблема автографа

Теперь — самое трудное место главы, то, из-за чего мы не можем просто считать след-эпизоды.

Возьмите два одинаковых по внешним свойствам багажа: сто записей о годе. В первом случае все сто — ваш дневник. Во втором — пятьдесят ваших, пятьдесят — чужих наблюдений о вас: расшифровки разговоров, фото, снятые другими, чужие упоминания.

Количество — одинаковое. Багаж — тот же?

Нет. И вот почему. Вспомните принцип автографа из части I: слепота системы локализована вокруг следов, порождённых ею самой. Ваш дневник прошёл скептический тест формально — он материализован, он существует вне текущей сборки. Но он создан тем же аппаратом, который завтра будет его читать. Пятница, вы пишете дневник. Суббота, вы читаете вчерашнюю запись — и собираете себя, в том числе, из своего же вчерашнего описания себя.

Дневник — это противовес с оговоркой. Он независим от сегодняшней реконструкции, но не независим от аппарата. Чужое фото — противовес без оговорки: его делала не ваша процедура сборки, и исказить его вы могли только постфактум, уже после того, как он существовал.

Значит, у следа есть второй параметр — не только существование, но и источник. Мы будем называть его автографным весом.

5.4. Дизайн 2×2: превращение допущения в измерение

Первый порыв — назначить веса руками. Автографный след — 0,7, внешний — 1,0. Красиво на бумаге, но это не измерение, это арифметика уверенности. Число w_a , взятое из головы, обесценит всю количественную часть книги.

Правильный ход — не назначать вес, а построить данные так, чтобы вес измерился сам. Для этого багаж раскладывается в таблицу два на два — она приведена на листе 1 (вклейка в конце части II).

Каждый день жизни участника попадает в одну из четырёх зон: есть след свой, есть след чужой, следа нет вовсе. И теперь у модели появляются не одна, а две измеримые переменные: наличие следа и источник следа.

Что это даёт теоретически — покажет уравнение из главы 8. Пока зафиксируем предсказание в словах.

Если автографный след — полноценный противовес, то два человека с одинаковой общей плотностью, но разной долей автографности, не должны различаться по дрейфу. Если автографный след — противовес с оговоркой, доля автографности должна делать самостоятельную работу: при равной плотности дрейф выше там, где багаж в основном автографный.

Это не косметика. Это второй независимый тест принципа автографа. Первый мы получаем из сбоев ИИ (глава 20); второй — из таблицы два на два. Если эффект источника не воспроизведётся — принцип автографа ослаблен, и мы это запишем. Если воспроизведётся — w_a перестаёт быть допущением и становится величиной с доверительным интервалом.

5.5. Что не входит в плотность — и почему это нельзя забыть

Соблазнительные кандидаты, которые мы исключаем, — с формулировками, потому что каждый из них вернётся в дискуссии.

Воспоминания. Не входят. Они порождены аппаратом сборки, они не проходят скептический тест, и их невозможно посчитать. «Чувство того времени» — среда, в которой собирается пакс, а не материал, из которого он собирается. Смещение здесь фатально: если внутреннее включить в D, плотность станет неизмеримой, а вся количественная часть книги повиснет.

Пересказы. «Я рассказывал другу о том лете» — это не след о лете. Это след о пересказе. Продукт реконструкции не может быть её противовесом — это общий аргумент, и он же разрешает конфликт из старой главы про фрактальность: частая реконсолидация и обильный багаж

не конкурируют, потому что один растёт за счёт внутренних пересборок, а другой — за счёт внешних записей. Два механизма сидят в разных ячейках таблицы.

Сны. Не входят — по той же причине, что воспоминания: их автор — сам аппарат.

Социальные следы — с оговоркой. Свидетель живого разговора — не след (он реконструирует так же, как вы). Свидетель, записавший что-то, — след. Тест один: существует ли материализованная запись, созданная до текущей сборки и независимая от неё.

5.6. Плотность в полевом протоколе: как это делает участник

Теория хороша, пока её нельзя измерить. Здесь — измерение.

Участник установки А (глава 18) ведёт утренний журнал. Но раз в неделю — полевой замер багажа. Процедура отрепетирована на пилоте и выглядит так.

Первый шаг — выгрузка, не память. Участник собирает за неделю всё, что система сама сохранила: фото на телефоне, сообщения, заметки, календарь. Список, а не воспоминания — потому что воспоминания не проходят скептический тест, и метод сбора не должен его нарушать.

Второй шаг — кластеризация по протоколу. Артефакты группируются в след-эпизоды: то же окно, тот же контекст, тот же эпизод. Получается число $D_{\text{нед}}$ — независимых след-эпизодов за неделю.

Третий шаг — маркировка источника. Каждый эпизод получает метку: свой (создан вами) или чужой (создан без вас). Доля автографности — та самая вторая ось таблицы.

Четвёртый шаг — сверка с нулевой гипотезой метода: подсчёт ведёт участник, и у него есть соблазн зависить плотность «интересных» недель. Против этого — случайный контроль: 20% недель перекодируются вслепую вторым кодировщиком, расхождение фиксируется, и если оно превышает порог — протокол ужесточается. Это не украшение. Это то, что отличает измерение от самоописания.

И последнее, важное для честности книги: D , измеренная в полевом протоколе, — это нижняя граница плотности. Мы не видим следы, которые участник не может выгрузить: чужие записи о нём, о которых он не знает, голограммы его жизни в чужих архивах. Плотность багажа любого человека выше измеренной. Это не ломает выводы, потому что ошибка систематическая и направленная, — но в главе 20 мы вернёмся к ней, обсуждая границы.

5.7. Три следствия, меняющие картину

Первое — богатство не защищает. Человек с тотальной документацией — тысячи фото, все переписки сохранены — может иметь низкую плотность багажа, если всё это дублирует один и тот же слой жизни. Его пакс собран из тысяч фрагментов одного дня — и свободен в отношении всех остальных. Гипердокументированное поколение (глава 16) богаче по артефактам и, возможно, не богаче по багажу. Это различие — артефакты против багажа — одно из главных следствий главы.

Второе — бедность не обрекает. Низкая D — не приговор тождеству, а условие дрейфа. Глава 7 скажет это точнее, но заложено оно здесь: багаж — не совесть и не достоинство пакса, а физический параметр, как атмосферное давление. У него нет моральной окраски, есть величина.

Третье — автографность — константа личности. Человек, который годами ведёт дневник, и человек, который никогда не вёл, живут с разной структурой багажа, и это различие — не стиль, а параметр дрейфа. Вопрос «писать ли дневник» в этой книге перестаёт быть вопросом вкуса и становится вопросом о том, каким противовесом вы хотите себя держать. Это не рекомендация — это карта: у каждого решения о следе есть цена в плотности и источник.

5.8. Что дальше

Что мы установили в этой главе.

Плотность — не количество артефактов, а число независимых след-эпизодов после дедупликации. Следы равны не по существованию, а по источнику: автографные и внешние. Дизайн

два на два превращает автографный вес из допущения в измеряемую величину. В плотность не входят воспоминания, пересказы и сны — среда сборки не является её материалом. Полевой протокол даёт нижнюю границу плотности — и это ограничение честно названо.

Что мы увидим в следующей главе.

Глава 6 — багаж как единственный мост: почему тождество между сменяющимися паксами держится только на следах, и почему обещания, контракты и институты — это технологии багажа.

Вопрос для размышления:

Сколько независимых след-эпизодов у вашей последней недели? Не артефактов — эпизодов. Если ответ «не знаю» — это не провал памяти. Это — первый результат измерения.

5.9. Философское послесловие: чем вы владеете

Мы привыкли измерять себя накоплениями. Деньги, вещи, навыки, отношения — всё это складывается, копится, наследуется. Богатство — то, что у меня есть.

Багаж сломал эту оптику. Багаж — это то, что есть у сегодняшнего пакса, но создано не им. Вы читаете эти строки паксом, который не писал ни одного из своих старых писем, не делал ни одного из своих старых фото, не говорил ни одного из своих старых обещаний. Всё это оставлено вам — кем? Вчерашним паксом? Серией паксов? Тем, кого вы называете «я» с той осторожностью, на которую способна эта книга?

И вот что странно. По нашей теории единственное, что реально переходит от пакса к паксу, — это как раз то, что пакс не создавал сам. Внешние следы — противовес без оговорки. Автографные — противовес с оговоркой, потому что их писал тот же аппарат. Внутреннее — не переходит вовсе.

Получается парадокс, который стоит произнести медленно. Чем меньше в вашем багаже следов, созданных вами же, — тем устойчивее ваше тождество. Чем больше вы описывали себя сами — тем больше завтрашний вы собирается из вашего же рассказа о себе — и тем свободнее дрейфует.

Это не призыв не писать дневники. Это призыв считать то, чем вы владеете. Ваше наследство — это фото, снятые другими, и записи, сделанные о вас без вашего участия. Всё остальное — письма вам от отправителя, которого больше нет.

ГЛАВА 6

Багаж как единственный мост

6.1. Проблема моста

В главе 3 мы приняли формулу, которая выглядит безобидно, а на деле — разрушительна: $I_{t+1} = R(T_t)$

Новый пакс собирается процедурой R на багаже T_t . Вчерашний пакс в этой формуле не участвует. Вообще. Он не передаёт ничего напрямую — ни опыта, ни личности, ни «я». Он оставил следы — и вышел.

Теперь посмотрите, что мы обязаны объяснить.

Каждое утро вы просыпаетесь и чувствуете себя собой. Вы помните, что должны на работе. Вы помните, кому должны деньги. Вы не пытаетесь заново выучить язык, на котором говорите. Вы не знакомитесь заново с собственной семьёй.

Если каждый день — новый пакс, то кто оплатил этот перенос? Что соединило вчерашнее с сегодняшним? Через что прошла вся ваша жизнь, если её носитель меняется ежедневно?

Это — проблема моста. И к ней нельзя относиться как к философской забаве. Ответ на неё определяет, чем являются контракты, обещания, дневники и институты — украшениями жизни или её несущими конструкциями.

6.2. Кандидаты, которые не проходят

Начнём с привычных ответов и разберём каждый.

Душа. Непрерывная нематериальная субстанция, переходящая изо дня в день. Ответ древний, утешительный и — по правилам этой книги — не годный: он не порождает ни одного наблюдаемого различия. Теория с душой и теория без души дают одну и ту же феноменологию, значит, спор между ними не эмпирический. Мы записали этот ход ещё в главе 11 старой книги и не будем повторять: выбор между неубиваемыми теориями — не наука. Душа не проходит не потому, что её нет, а потому, что она ничего не делает в формуле.

Тело. Тело непрерывно, значит, и пакс непрерывен. Но тело — не пакс. Пакс — выход процедуры сборки, а тело — субстрат, на котором процедура выполняется. Субстрат может быть непрерывным, пока выход меняется: клетка за клеткой, синапс за синапсом, настроение за настроением. Непрерывность носителя не гарантирует тождества выхода — и это видно без теории: тело человека непрерывно меняется, а его характер — иногда скачком.

Мозг. Самый сильный кандидат, и его надо разбирать честно. Мозг действительно непрерывен: ночью он не выключается, структуры не разбираются, анатомия сохраняется. Разве это не мост?

Нет — и вот почему. Наша теория не утверждает, что мозг исчезает за ночь. Она утверждает, что пакс — не мозг, а сборка, которую мозг исполняет над багажом. Непрерывен исполнитель. Прерывисто исполняемое. Оркестр не расходится на ночь, но каждое утро начинает симфонию заново — и то, что зазвучит, определяется не самим оркестром, а нотами, которые ему подадут.

Заметим, кстати: сознание и так прерывается каждую ночь. Глубокий сон, наркоз — феноменологического «я» в эти часы нет. Философы спорят об этом двести лет; наша теория просто фиксирует: перерыв — факт, а не гипотеза. Вопрос лишь в том, что его пересекает.

Нарратив. «Я — история, которую я себе рассказываю». Красиво — и в ловушке, которую мы уже разобрали в главе 5: рассказ порождён аппаратом сборки, он не проходит скептический тест, он — часть R, а не T. Нарратив не мост. Нарратив — это то, что мост каждый день строит заново.

Итак, четыре кандидата отсеяны. Остался один.

6.3. Что реально переходит

Пройдём ночь глазами физики, а не поэта. Ночь длится восемь часов. Что в момент пробуждения существует, а что — нет?

Не существует: вчерашних мыслей. Вчерашних решений. Вчерашних намерений. Вчерашних воспоминаний как событий. Всё это — состояния аппарата, и аппарат их не сохранил.

Существует: мир. Ваше тело. Ваш мозг. И — багаж. Записи, вещи, документы, чужие воспоминания о вас, ваша репутация, ваши письма, ваш календарь.

Из всего, что существует утром, к паксу имеет отношение только багаж. Мир существует, но не о вас. Тело существует, но оно субстрат. Багаж — единственная часть утреннего мира, которая об вас.

Это и есть ответ на проблему моста, и он настолько прост, что его хочется оспорить просто из приличия. Между паксами переходит только багаж. Не душа, не сознание, не «я» — только следы. Всё, что вы считаете своей непрерывностью, — это ежедневный результат чтения одного и того же архива разным читателем.

Отсюда — уточнение, которое звучит жёстче, чем мы привыкли: вы не «помните» своё прошлое. Вы находите его в багаже — внешнем, автографном и в текущих состояниях тела, которые сами по себе следы второго порядка. Помнить — это глагол сборки, не перехода. Переходит только записанное.

6.4. Технологии скрепления

Если мост — багаж, то всё человеческое устройство следует перечитать в этих терминах. Это самое плодотворное место главы, потому что перечитывается внезапно много.

Обещание. «Я приду завтра» — не факт о душе говорящего. Это след, материализованный в чужой памяти, в сообщении, в календаре, — созданный до завтрашней сборки и обязывающий её. Завтрашний пакс проснётся, прочитает этот след — и поступит в соответствии с ним, потому что не поступить означает разрушить собственную сборку: завтрашний пакс собирается в том числе из образа «человека, который держит слово», а этот образ хранится в том же багаже.

Контракт. Обещание, усиленное внешним следованием и санкциями. Юридическая форма — это инженерное решение проблемы моста: общество не доверяет непрерывности паксов и выносит обязательства из головы в мир. Договор подписывают не потому, что люди забывчивы, — а потому, что завтрашний подписант и сегодняшний юридически не одно лицо, и бумага — единственное, что связывает их принудительно.

Имя. Паспорт, аккаунт, подпись. Имя — это адрес багажа: способ гарантировать, что завтрашняя сборка найдёт именно эти следы, а не чужие. Бюрократическая идентичность — не формальность, а низовая технология паксов: она назначает каждому утреннему паксу один и тот же ящик.

Дневник. Технология автографного багажа — противовес с оговоркой, как мы установили в главе 5. Дневник не сохраняет личность; он сужает свободу её пересборки.

Институты. Школа, суд, армия, церковь, корпорация. Каждый институт — это машина, которая хранит следы дольше, чем живёт любой пакс, и принуждает новые паксы их читать. Законы не меняются, потому что не спят. Институт — это багаж, у которого есть охрана.

И заметьте общий знаменатель: все эти технологии созданы культурами, которые ничего не знали о формуле $I_{t+1} = R(T_t)$. Цивилизация тысячелетиями строила инфраструктуру для сущности, которую она считала непрерывной, — и построила её ровно так, как требовала бы теория сменяющихся паксов. Это сильный аргумент. Не доказательство — культура могла бы так устроиться и по другим причинам. Но совпадение слишком точное: обязательства, идентификаторы, архивы — всё это заготовки под ежедневную пересборку.

6.5. Когда мост рвётся

Теория проверяется не на своих успехах, а на своих поломках. Что происходит, когда багаж перестаёт быть мостом?

Амнезия. Классический случай — человек, потерявший способность образовывать новые следы. Его внутренний багаж обнуляется каждые десятки секунд: каждый «сейчас» — новый пакс с багажом, обрезанным в недалёкое прошлое. И что мы видим? Мы видим ровно то, что предсказывает теория: личность рассыпается не в хаос, а в бесконечное настоящее. Пакс живёт, но не накапливает. Известный неврологический случай — музыкант, который каждую минуту заново здоровается с женой и заново играет одну и ту же пьесу, потому что играть её он успевает, а запомнить, что играл, — нет.

Деменция. Медленное выедание багажа изнутри. Здесь теория даёт неутешительный прогноз, который, впрочем, совпадает с наблюдаемым: тождество деградирует последними слоями — и первыми деградирует именно автографная часть, потому что она завязана на аппарат. Человек с деменцией дольше всего сохраняет то, что выучено телом: музыку, походку, навыки. Это не «память сильнее в теле» — это багаж, записанный не текстом, а прошивкой, который читается даже сломанной процедурой.

И — самый важный случай, о котором мало говорят. Когда внутренний багаж исчез совсем, мост не рвётся. Он перетекает наружу. Окружающие ведут багаж за человека: рассказывают ему, кем он был, показывают фотографии, держат его жизнь в своих архивах. Человек, который не помнит себя, остаётся собой ровно в той мере, в какой другие продолжают читать его следы вслух.

Посмотрите, что это значит. Тождество — не свойство пакса. Это свойство системы паксов. Мост между моими утрами строит не только мой багаж — его строят чужие архивы, в

которых я записан. Часть вашей непрерывности хранится не в вас. Она хранится у других — и вы делаете для них то же самое.

6.6. Следствие: непрерывность — достигнутая, а не данная

Сведём главу к одному утверждению.

Непрерывность личности — не факт о природе. Это достижение — ежедневный, коллективный, инженерный. Каждое утро тождество не обнаруживается, а собирается: вашим багажом, чужими записями о вас, институтами, которые охраняют эти записи, и доброй волей окружающих, которые продолжают считать вас тем же лицом.

Это переворачивает привычный порядок. Мы думали: личность первична, память её инструмент. Получилось наоборот: багаж первичен, личность — его ежедневное прочтение. И там, где багаж беден или мост плох, никакое «я» не спасёт — потому что спасать нечем, кроме записей.

Отсюда практическая мораль, которую мы отложим до части V, но сформулируем здесь одним предложением: если вы хотите сохранить кого-то — сохраняйте следы, а не надежду на память.

6.7. Что дальше

Что мы установили в этой главе.

Проблема моста: что соединяет паксов, если носитель меняется ежедневно. Душа — неубиваема и пуста; тело и мозг — субстрат, не тождество; нарратив — продукт сборки, не её материал. Единственное, что переходит между паксами, — багаж. Обещания, контракты, имена и институты — технологии скрепления, стихийно построенные под ежедневную пересборку. Когда внутренний багаж гибнет, мост перетекает наружу: тождество держится системой паксов, а не отдельным паксом.

Что мы увидим в части III.

Глава 7 — теорема непрерывности: почему «вы тот же самый» и «вы новый каждый день» — не противоречие, а две стороны одной процедуры. Глава 8 — межпаксный дрейф: две конкурирующие модели того, как далеко может уйти сборка при бедном багаже.

Вопрос для размышления:

Сколько людей, кроме вас, хранят следы вашей жизни? Если завтра проснутся с пустым багажом — вернут ли они вас по чужим архивам? И возвращаете ли вы так же тех, кто вас окружает?

6.8. Философское послесловие: хранилище чужих следов

Есть старый жанр мемуаров: «вспомнить всё», восстановить себя, вернуть утраченное. Мы писали эту главу и постепенно поняли, что она о другом жанре, которому у нас нет названия.

О хранении.

Не о своей памяти — о чужой. Мать, которая помнит вас младенцем, — единственный архив, где этот период существует вообще. Друг, который помнит вас до той болезни, — единственный, кто видел вас до перелома. Любовь длиной в десятилетия — это два архива, читающие друг друга и сверяющие расхождения.

По нашей теории это не сентиментальность. Это онтология. Часть вашей жизни физически существует только в чужих головах и чужих записях — и, если эти архивы исчезнут, исчезнут события, а не только воспоминания о них. Смерть близкого — это не только утрата человека. Это утрата кусков вашей биографии, которые существовали только у него.

Поэтому формулы любви у всех народов сводятся к одному обещанию: я запомню. Не «я буду любить» — а «я не дам этому исчезнуть». Любовь — это добровольная служба в чужом багаже.

И последнее, чего требует честность. Эта глава даёт утешение — тождество держится сообществом — и отбирает его в том же абзаце. Если ваш след живёт в чужих архивах, то он

там уязвим: чужой архив можно потерять, исказить, переписать. Мать, которая забыла, — это потерянный том. Человек, который вас не так помнит, — это искажённая запись, с которой вы жить дальше.

Мы — не непрерывны и не одиноки. Мы — серия читателей, читающих друг друга вслух. Собранный заново каждое утро — и каждый раз собранный не один.



ПАКС · рейс ежедневный

СЛЕД И БАГАЖ

Таблица 1 из 3 · посадочный купон

откуда:
ночь

→

куда:
утро

Раздел 1. Типы следов

	Пример	Носитель	Устойчивость
Автографный внешний	надпись на стене	объект / пространство	средняя
Автографный телесный	шрам, следы на коже	тело	высокая
Внешний личный	личные вещи, одежда	вещи	средняя
Внешний институциональный	документы, записи	институты / системы	высокая

Раздел 2. Дизайн 2×2

источник
свой

след есть

	есть	нет
да	дневник, свои сообщения	—
нет	фото, снятые другими	—

Раздел 3. Рубрикатор кодирования

Категория	Определение	Пример
Пространственная	След, связанный с местом и его конфигурацией.	отметка на стене, карта, адрес
Временная	След, указывающий на момент или период.	дата, время, последовательность
Социальная	След, связанный с другими людьми и отношениями.	сообщение, упоминание, контакт
Материальная	След, зафиксированный в объектах и вещах.	фото, билет, предмет
Символическая	След, имеющий знаковую или смысловую нагрузку.	цитата, символ, код



Отрывной корешок · сохраните до утра

ЧАСТЬ III. ДИНАМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ГЛАВА 7

Теорема непрерывности: почему вы всё ещё «вы»

7.1. Два утверждения, которые не могут быть правы одновременно — и правы

Вот два предложения. Прочитайте их подряд, не останавливаясь.

Первое: вы — новый каждый день. Каждый пакс собран заново. Вчерашний пакс в формуле сборки не участвует.

Второе: вы — тот же самый. Вы держите обещания, данные год назад. Ваши друзья узнают вас. Ваша биография — одна, а не тридцать тысяч отдельных суток.

Оба утверждения звучат как взаимоисключающие. Философы тысячу лет спорили, какое из них верно. Наш ответ: спорить не о чем — оба верны, потому что описывают не два факта, а две характеристики одного процесса.

Как это возможно?

Вспомните формулу сборки: $I_{\{t+1\}} = R(T_t)$. Новый пакс — это выход процедуры R на багаже T_t . Теперь зададим главный вопрос части III, и зададим его так, как его задал бы инженер:

при каких условиях выход процедуры сегодня совпадает с выходом процедуры вчера?

Это не метафизический вопрос. Это вопрос об устойчивости функции. И у него есть точный ответ, к которому мы идём всю часть.

7.2. Математика тождества

Проведём вывод медленно — он короткий.

Утверждение первое. Если багаж вчерашнего и сегодняшнего дня одинаков — $T_t = T_{\{t-1\}}$ — и процедура R детерминирована, то выходы совпадают в точности: $I_{\{t+1\}} = I_t$. Идентичный вход, идентичная процедура — идентичный выход. Тождество — не чудо, а арифметика.

Утверждение второе. Багаж почти никогда не одинаков. Каждый день добавляет следы: вчерашний день оставил записи, разговоры, артефакты. Значит, $T_t \neq T_{\{t-1\}}$, и выходы не могут совпасть в точности. Новый пакс собирается из чуть другого материала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.